

характеристика сказочной поэтики, но и тезис, который дает возможность глубже определить жанровую природу сказки. Далее автор подчеркивает, что сказка не создает новых предметов, не использует даже экзотических объектов, а лишь трансформирует в своих целях уже знакомые аудитории реалии, таким образом, от слушателей требуется весьма активная работа воображения.

Весьма плодотворным кажется использование последовательности реалий для характеристики сюжетных типов. Так, сюжеты, связанные с мотивом подмены, описываются так:

СУС 403=АА 403А, В («Подменная жена»): источник-одежда-мертвая рука;

СУС 409 («Мать-рысь»): дворец-поле-одежда-поле или лес-кожа;

СУС 450 («Братец и сестрица»): дорога-лужа-вода из копытца-дворец-водный источник (преимущественно пруд)-костры, котлы, ножи-сети.

Как предполагает автор, предметные реалии можно рассматривать «как сюжеторазличительные элементы, которые можно положить в основу классификации ядра сказочных сюжетов» (с. 181). Таким способом в книге охарактеризовано относительно мало сюжетных типов, но само предложение выглядит весьма многообещающим.

Из недостатков следует отметить не всегда адекватную характеристику исследовательской литературы. Так, в примечании к фразе «западные исследователи, обращаясь к предметному миру фольклора, анализируют по преимуществу предметные реалии, наделенные в традиционной культуре символично-мифологической семантикой» ссылка идет одновременно на работы Уоссонов, Карла Юнга и Эриха Фромма. Говорить о теории Уоссонов о роли грибов в различных культурах, концепции архетипов Юнга и версии психоанализа Фромма (кстати, его работа была издана не в 1911, как утверждается в примечании, а в 1951 г.) в одной фразе, подобной приведенной выше, вряд ли разумно. Неоправданно нейтральную оценку получила работа М. М. Маковского, находящаяся за пределами науки. Впрочем, это лишь частные замечания, и приложенная к книге библиография представляет самостоятельную ценность.

В заключение хотелось бы повторить, что книга В. Е. Добровольской не только интересна своими теоретическими выводами, но и полезна практически, хочется надеяться, что ей будут пользоваться исследователи сказки.

В. Н. ШАПОШНИКОВ (Москва)

Рецензия на: Кропотов В. С. Черемуховая река: Очерки истории деревни Лонганер (XIX—XX вв.). — 2-е изд. — М.: Русский мир, 2010. — 360 с., илл., табл.

Книга «Черемуховая река: Очерки истории деревни Лонганер (XIX—XX вв.)» представляет собой исследование одной исчезнувшей деревни, в которой родился автор — кандидат исторических наук Виталий Спиридонович Кропотов (1926 г. р.), проживающий ныне в Йошкар-Оле.

Повествование о происхождении деревни, основанной русскими переселенцами, которые дали ей имя по марийскому названию протекавшей рядом реки (Ломбо-энер — «черемуховая река»), о судьбах ее пяти родов основано на воспоминаниях старожилов и самого автора, на архивных источниках. Это все доступные архивы Республики Марий Эл (в том числе церковные), архив Российской социально-политической истории (г. Москва), архивы Кировской области, Республики Татарстан, Магаданской области, г. Севастополя. Такое разнообразие источников говорит об объективности, смелости, широте подхода.

«Основная сложность написания книги, — поясняет автор, — состояла в острой нехватке письменных источников. Рядовые деревни, как и простые люди, никогда у нас вниманием к себе и своей жизни не были избалованы. Многие источники не было вовсе, некоторые не сохранились, а советский период представлен главным образом документами партийных организаций. Именно этим и объясняется их столь широкое присутствие в книге. Есть, к сожалению, и такие «бумаги» — свидетели прошлого, доступ исследователей к которым закрыт до сих пор. Эти и другие досадные пробелы в какой-то степени восполнялись памятью лонганерцев-старожилов» (с. 6).

Кроме «чисто» исторических введения и 1-й, 2-й, 4-й, 5-й глав, в книге имеются аналитические: 3-я глава «Партия в жизни деревни», 6-я глава «Лонганерская школа...», 8-я глава «Лонганерские родовые». Главное название книги «Черемуховая река» претендует (и оправдывает эти претензии) на художественное, или, если хотите, беллетристическое описание Лонганера, что и реализовано в 7-й главе.

Великолепные этнографические очерки о труде, быте, нравах и судьбах лонганерцев (содержание этой главы) не случайно имеют авторский подзаголовок «О былом с любовью». Пахота, посевная, сенокос, страда, молотба, сбор картофеля, помол зерна, обработка льна, работа в лесу; крестьянское подворье, конный двор, кузница; одежда и обувь крестьян; постройка избы; отдых; лонганерцы-воины и лонганерцы — православные христиане — эти картины и обзоры не только этнографически точны, но и согреты теплотой собственных воспоминаний, памятью односельчан. Вот как любовно автор пишет о сохе: «Прочального слова заслуживала соха. Конечно, пахала она мелко, пласт не опрокидывала, плохо заделывала навоз, была весьма непрочной, в борозде шла неровно, рывками, легко забегала в стороны, вверх-вниз, не могла стоять. Из-за всего этого пахарю приходилось постоянно держать ее руками, беря на себя до одной трети всей нагрузки на пашне; мучительными были постоянные толчки и для лошади. Вот почему Степан Алексеевич (односельчанин-пахарь. — *В. Ш.*) не мог донести ложку до рта на обеде...

И тем не менее, крестьяне любили соху, ласково называли ее Андреевной, кормилицей и, обзаводясь косулями и плугами, не спешили расставаться и с ней. Ведь, считай, пять веков она угождала им. Соха проста и дешева в изготовлении, крестьяне делали ее сами, легка для лошади, в ней мало железа, бывшего в ту пору дорогим, она пригодна почти для всех почв, в том числе лесных и каменистых. Соха лучше косули и плуга рыхлила землю, она не резала, как они, корни травы, а вырывала их, что эффективнее, была незаменима для запашки семян и окучевания картофеля. После сохи можно было борошить деревянной бороной, а после косули и плуга нужна только железная.

Так что не от одной лишь бедности или непонимания преимуществ новых орудий, но в силу привычки, сложившихся традиций многие лонганерцы указанного периода начинали свой новый сезон с помощью испытанной сохи. Ведь не зря же в народном эпосе («во древни времена») ее называли «божественной», а идеалом пахаря был былинный герой Микула Селянинович» (с. 118).

Прекрасны и другие орудия труда, например, ткацкий станок: «В ряду изумительных изобретений и открытий древних людей, таких, как соха и борона, тележное

колесо и санный полоз, деревянный дом и кирпичная печь, водяная и ветряная мельницы, хлебопечение и смолокурение, ручной деревянный ткацкий станок занимает одно из самых первых и почетных мест» (с. 151—152). Тем дороже ценились изделия из «своей» ткани. Навсегда запомнился автору чудесный подарок одной доброй старой женщины-односельчанки: «Помню, бабка моего приятеля Василия Пелагея (Палагея, по-деревенски), узнав, что я пошел в школу, подарила мне сумку для книг, сшитую из ее же ткани. Это был дорогой подарок, если вспомнить, сколько труда в него было вложено. Только теперь я по-настоящему оценил “движение души” бабки Палагеи. Правда, и тогда был по-детски рад ему» (с. 154).

В книге убедительно раскрываются деревенские, крестьянские истоки русских представлений о добре, красоте, труде.

Вот описание сенокоса, где труд поистине прекрасен: «Сенокос в Роше запомнился. По традиции, соблюдавшейся особенно в его первые дни, косари шли туда по Нижнему концу с косами (литовками) на плечах как на праздник, нарядные, веселые, женщины непременно с песнями. А после того как пришедшие занимали свои места и луг украсился всеми цветами их одежд, веселыми лицами, улыбками, начинался сам “праздник”, праздник коллективного труда: звук скашиваемой травы сильными взмахами горящих на солнце кос, частый звон точимой брусками тонкой стали, вид энергичных, точных движений, само собой возникающий темп, задор, стремление не отстать, сделать больше, лучше» (с. 120).

В крестьянской жизни были события, которые можно назвать подвигом, — они совершались во имя других людей, без лишнего разговора, они оставались в памяти благодарных потомков; таково было спасение санного обоза одним безвестным мужиком, который в сильнейший мороз не побоялся снять варежки и починить оглоблю, причем все было сделано точно, умело — и красиво.

Сердце деревенского человека откликлось и на красоту, казалось бы, «бесполезную». Производит сильное впечатление рассказ «Одинокая Сосна» — о дереве, которое долгие годы обозначало для лонганерцев начало родных пределов. «Не зря, не по какой-то оплошности или привередливости люди сохраняли на полях одинокие деревья, они привыкали к ним, сживались с ними. Зимой, в пургу и мороз,

знакомое одинокое дерево было спасением для путника, самым надежным ориентиром. В летнее время пахарям, жнецам лучшего места отдыха и придумать трудно: тень с ветерком от нещадного солнца, опора для усталой спины сидящим, место для подобедка или паужинка. Человек дышит, а Сосна над ним шумит, гудит, успокаивает, какие-то думы навеивает, крона источает тончайший хвойный аромат.

Но не за одну только пользу люди любили и берегли своих одиноко стоящих друзей. Было в них еще и что-то таинственное и романтическое, родственное одинокому кораблю в безбрежном море, одинокой луне или ранней звезде на темном небе, одинокому, неприкаянному человеку в жизни» (с. 180).

И вот сосну велели спилить — мешала она, вишь, тракторам. «И сжалось на мгновение сердце. И понеслись в голове мысли грустные и безысходные. И негде стало остановиться взгляду, некого спросить о расстоянии. Одинокий путник осиротел без нее. Поле потеряло не просто дерево, одинокую Сосну, потеряло в чем-то душу свою и красоту. Оборвалась связь времен, державшаяся на этой долгожительнице. Сейчас уже не осталось ничего такого, что видели бы и любили все поколения лонганерцев, начиная с первых поселенцев и кончая последними жителями исчезнувшей деревни.

Мне жаль ту Сосну. Опустела без нее лонганерская земля» (с. 181).

Помогала сложиться уникальному деревенскому миру крепость церковных устоев: «И стар и млад в деревне знали, что честная, праведная, трудовая жизнь, примерное поведение, соблюдение велений церкви, выполнение ее заповедей ведут человека по Божьей дороге к вечному царствию. А человека, погрязшего в пороках, грехах, злых умыслах, отошедшего от веры, забывшего дорогу в церковь, Бог не спасает, и его ожидают изощренные муки на том свете» (с. 206). В очерке «Лонганерцы — православные христиане» дается описание религиозных обычаев, праздников; приводится история Тумью-Мучашской церкви, прихожанами которой были лонганерцы; говорится о старообрядцах и единоверцах и их церквях.

В родной деревеньке получил автор и представление об открытости, простоте — может быть, самых ценных качествах в человеческом общении (очерк «Нараспашку»). Не находя этого в современном городе, он понимает величину

утраты: «Деревенские общительность, открытость, простота людей трудно сравнимы с нынешней городской замкнутостью, разобщенностью людей, как та лапотная веревка на ветхой деревянной двери деревенского дома несопоставима со сверхсекретным заморским замком на стальных дверях, со сторожевыми псами нынешних городских квартир» (с. 180)

Книга воссоздает целостную близость деревенского человека к природе, что проявляется не только в любовании знаменитой лонганерской Сосной, лесом, полем, праздником сенокоса, но и в его отношении к животным: «...хозяин брал на себя лошадь, хозяйка — корову и всех остальных. Дети-подростки давали готовый корм пороссятам, следили за навязанными телятами. Кормили кур и цыплят, собирали в гнездах, которые только они и знали, куриные яйца, помогали загонять скотину по вечерам» (с. 133). Особенно теплым, показывает автор, было отношение крестьян к лошадям. Вот Делегатка (в доколхозный период она звалась Манька) — «сильная, крупная, умная, послушная кобылица вишневого масти с черными гривой, хвостом <...>, белым рисунком на лбу. Что в плугу на пашне, что в телеге с любым возом, она всегда шла широким, ровным, спорым и с виду легким шагом. И никаких попыток без ямщика остановиться, сбавить скорость, сощипнуть природную травку. Бесценная лошадь. Но характер у нее был, чужих не любила <...> Маньку потом первой взяли на войну, а лошадям демобилизаций не было, по крайней мере, в свои места» (с. 143). Лошади, как и люди, после коллективизации испытывали сильный перелом. «Осиротели лошади, существа умные и дружелюбные — без своих бывших хозяев. Ведь как хорошо было: хозяин лошадь кормил, ухаживал за ней, жалел ее, он же и ездил на ней, работал, считай, каждый день. Хозяин и лошадь привыкали друг к другу, понимали и знали один другого до тонкости. А теперь все переменилось: кормил один, а ездили и работали каждый день разные. И никто по-настоящему лошадь не знал, как и она их. В одном были все одинаковы — орудовать кнутом без всякой жалости. Нелегко, нескоро, но и лошади, подобно людям (куда деваться?), постепенно привыкали к новой жизни, безошибочно находили свои стойла, запоминали своих конюхов. Но и старых своих хозяев не забывали» (с. 142). Как и хозяева их. С этой драмой связаны, может быть, самые яркие

рассказы книги — «Большевик» и «Теракт в Лонганере».

Большевик — это колхозное имя коня, носившего в прежние времена кличку Рыжко; назвали его Большевиком за высокий рост и могучее телосложение. В деревнях лошадей знали порой не хуже, чем людей, а Рыжко был умный, безотказный, сильный. И когда эта лошадь стала умирать в колхозной конюшне, случайно именно автора книги (в то время мальчика) послали женщины за бывшим хозяином лошади. Картина последнего свидания близких друг другу существ, увиденная глазами потрясенного ребенка, не забудется читателем: «Умная лошадь узнала своего хозяина. Из последних сил подняла она огромную голову, наострила уши и открыла все понимающие большие глаза с лиловатым отливом и красными прожилками. Взгляды старых друзей встретились, чтобы тут же растаять навеки. И в этот миг я отчетливо увидел, как из обращенного ко мне глаза лошади выкатилась и упала на пол крупная, чистая слеза. Слезка прощания? Слезка благодарности? А может быть, и упрека? Ведь не дано же было знать лошади, что со своего двора на колхозную конюшню хозяин свел ее не по своей доброй воле. Затем голова мерина вновь бессильно и тяжело упала на пол. Глаза закрылись, а еще через какие-то мгновения по всему телу прошла предсмертная судорога. И конь затих.

Александр Максимович (бывший хозяин лошади. — *В. III.*) немного постоял с опущенной вниз головой, влажными от нахлынувших чувств глазами и молча, провожаемый опять посторонившимися перед ним женщинами, на глазах которых откровенно блестели слезы, скорбной и сразу как-то отяжелевшей походкой ушел с конного двора. Ушли и все мы.

Большевик остался один» (с. 146).

Переживая свою потерю, бывший хозяин лошади пошел не домой, а в поле, «туда, где было и есть начало всех начал и конец всех концов извечной крестьянской доли», туда, где на теперешнем колхозном поле он по ему одному известным приметам нашел свою полосу, которую он и обрабатывал с Рыжком. Автор вспоминает и своего деда, который, взяв с собой его, внука, уходил в поле; его молчание теперь понятно автору — он «не молчал, он мысленно говорил с полем. Оно, пустое, у него было заселено людьми, событиями, незабытыми страницами ушедшей

жизни, которые он и перевертывал, молчаливо глядя на знакомые полосы и посева» (с. 147).

Очерк «Теракт в Лонганере» — один из самых значительных, он основан только на фактах — убийстве в октябре 1933 г. председателя местного сельсовета в момент его участия в самостоятельной театральной постановке в школе. Этот трагический случай дает автору материал для вывода о том, что это был не заурядный эпизод классовой борьбы в деревне, а подготовленный, организованный «терракт», который должен был иметь резонанс даже в масштабах страны. Хотя возможностей для свершения мести было в деревне предостаточно, но был избран способ демонстративный, эффектный — во время «сна» на сцене «батрака», роль которого исполнял председатель сельсовета Тимофей Фоминых, избранный жертвой преступников. В убийстве обвинили 23-летнего лонганерца Федора Глушкова. А началось с того, что когда в 1930 г. в Лонганере был организован колхоз, Ф. Глушкова «пришлось самолично свести на колхозный двор, отдать в чужие руки» только что купленную лошадь — «буланого жеребца, с которым он связывал большие надежды на будущее» (с. 198). Увидев первые шаги колхоза, которые были в высшей степени бестолковыми, Федор увел своего коня с колхозной конюшни, продал его и на эти деньги уехал в Ташкент. Потом он уезжал в Казань, Самару, но вновь возвращался на родину. Наконец он связался с такими же, как и он, врагами советской власти и стал участником заговора. Приводятся его письма из ГПУ, полные раскаяния. Федор Глушков был расстрелян.

Автор уверен: «людям типа Федора Антоновича и его дружков в их положении организация такого теракта была не по плечу. Они понадобились другим людям как непосредственные исполнители за деньги и документы» (с. 200).

Сын Ф. Глушкова не повторил судьбы отца — вырвался из атмосферы беспросветности, травли, нищеты, стал летчиком. «В настоящее время он на пенсии и живет с семьей, по иронии судьбы, в Ташкенте, в городе, о котором когда-то мечтал его отец, но который не сумел его приютить и тем самым спасти от катастрофы. Зато он приютил сына. Правда, теперь, когда не стало СССР, сын мечтает уже о России» (с. 201).

Трагична и глава под названием «Драма распада деревни Лонганер», где В. С. Кро-